

З. А. Исмаилова

Посмертная летописная похвала правителю как исторический источник

Похвала правителю — весьма распространенный литературный прием средневековых книжников. Она присутствует в летописях, житиях, сказаниях. При этом историки редко обращали на нее внимание. Как отдельный жанр средневекового письма похвала никогда не рассматривалась, не подвергалась исторической критике. Между тем решение этой задачи позволит выявить закономерности в развитии похвалы как отдельного историко-литературного средневекового жанра и дать ей оценку как историческому источнику.

Начнем с исследования самых ранних похвал русским князьям. В 1015 г. скончался князь Владимир Святославич. Узнав об этом, «люди сошлись без числа и плакали по нем, бояре аки заступника земли их, убогие аки заступника и кормителя; и вложили его в гроб мраморный, спрятали тело его с плачем великим». Сразу же после этого известия в летописи читается похвала Владимиру: «Сей же есть новый Константин великого Рима, иже крестился сам и людей своих крестил: и так сей створил подобно ему»¹. Далее в летописи идет длинное рассуждение о пользе крещения и покаяния, которое, как доказал А. А. Шахматов, является поздней вставкой из жития князя². После этой вставки речь вновь о князе Владимире: «Сего в памяти держат русские люди, поминая святое крещение и прославляя Бога в молитвах, песнях и псалмах». В Лаврентьевской летописи к этому прибавлены слова восхищения князем: «Дивно же есть, сколько добра створил Русской земле, крестив ее»³. Такова посмертная летописная похвала князю Владимиру — она кратка, характеризует князя только как *крестителя* Руси, оставляя в забвении другие его *христианские* и светские добродетели.

Чтобы понять краткость и однообразие этой похвалы, необходимо учитывать, что известия о княжении Владимира, как доказал А. А. Шахматов, были внесены в летопись на основании устного предания — народных песен, былин, прозаических рассказов⁴. Летописец хорошо знал народные легенды, которые связывали имя князя Владимира не только с крещением Руси: «Едва ли не главной заслугой Владимира в глазах русских людей, — заметил А. А. Шахматов, — было объединение им под своею властью всех восточнославянских племен: народное предание приписывало ему покорение вятичей, радимичей, хорватов; им же покорена Ятвяжская земля. Все эти походы воспевались, по-видимому, в былинах, которые рано стали переносить на Владимира подвиги предшествовавших ему князей. Так о покорении вятичей другие народные предания говорили как о деле Святослава»⁵. И летописец последовал этому последнему преданию, внося в летопись под 966 г. известие о победе Святослава над вятичами⁶. Поэтому, составляя в 1039 г. похвальное слово князю Владимиру, он не решился вновь следовать народному преданию и противоречить самому себе. Летописец поступил осторожно — он воздал Владимиру краткую и малосодержательную похвалу.

Сын Владимира — Ярослав посмертной похвалы не удостоился. Причина этого кроется не в том, что Ярослав в глазах летописца не заслужил похвалы, а в другом.

В 1039 г., как выяснил А. А. Шахматов, был составлен первый киевский летописный свод. Его создание было связано с постройкой и освящением киевского Софийского собора. Свод заканчивался известием об этом событии, после которого следовала похвала Ярославу, в которой князь прославлялся как просветитель Руси: «И при сем начала вера христианская плодиться и расширяться, и черноризцы начали множиться, и монастыри начали быть. И Ярослав любил церковные уставы, попов любил повелику, излиха же черноризцев, и книгам прилежал, почитая их часто в ночи и в дни; и собрал писцов многих, и переложили от Греков на Словенское письмо, и списали книги многие и списки, ими же поучаясь, верные люди наслаждаются ученьем божественным». Далее идет пространное рассуждение на тему «Велика бывает польза от ученья книжного», после — вновь речь о Ярославе: «Ярослав же сей, якоже сказали, любил книги и, много написав, положил в святой Софии церкви, которую сам создал; украсил ее золотом и серебром и сосудами церковными. И иные церкви ставил по городам и по местам, поставляя попов и давая им от имения своего урок, вели им учить людей. И умножились пресвитеры и люди христианские. Радовался Ярослав, видя множество церквей и людей христианских»⁷.

Видим, что похвала Ярославу, не являясь посмертной, однако, намного пространнее похвалы его отцу — князю Владимиру. Летописец отметил в ней действительные черты правления князя — широкое строительство церквей и монастырей, создание при них скрипториев, где переводились и переписывались книги. Все это говорит о том, что, воздавая похвалу Ярославу, летописец

был весьма осведомлен о его княжении; если принять вывод А. А. Шахматова о создании первого летописного свода в Киеве в 1039 г., то он был его современником.

Тот же А. А. Шахматов выяснил, что продолжателем киевского свода 1039 г. был в 1072–1073 гг. игумен Печерского монастыря Никон⁸, один из образованнейших людей своего времени: «великий Никон» — так называли его современники за его знания, ум, начитанность. Никон, приступая к своей работе, имел в руках первый киевский летописный свод, составленный при Софийском соборе. Он его прочел и, конечно, заметил, что оканчивался свод *похвалой* Ярославу. Продолжив свод и доведя его до 1054 г., года смерти Ярослава, Никон, естественно, не стал воздавать ему новую похвалу. Он лишь заметил, что после смерти Ярослава «плакали по нем Всеволод и все люди»⁹. Так Ярослав не удостоился посмертной похвалы — по причине чисто технической.

Никон, редактируя киевский свод 1039 г. и продолжая его, стал автором первых посмертных похвал русским князьям, в которых содержалась их личная характеристика. Первым таким текстом была похвала тмутараканскому князю Мстиславу, скончавшемуся в 1036 г.: «Был Мстислав дебел телом, чермен лицом, велик очами, храбр на рати, и милостив, любил дружину повелику, а имения не щадил, ни питья, ни ядения не браняше»¹⁰.

Другой тмутараканский князь — Ростислав брал дань у касогов и в иных странах, и «сего убоялись греки», послали котопана, и тот в 1066 г. отравил Ростислава. «Был же Ростислав муж добр на рать, возрастом же леп и красен лицом, милостив убогим»¹¹.

В 1078 г. в Заволочье чудью был убит новгородский князь Глеб Святославич. «Был Глеб милостив на убогих и страннолюбив, тщание имея к церквам, тепл на веру и кроток, взором красен»¹². Заметим, что Глеб княжил в 1054–1064 гг. в Тмутаракани.

Все эти похвалы-характеристики принадлежат перу Никона¹³. Нетрудно заметить их сходство, литературную близость. Также нетрудно заметить, что они возданы Тмутараканским князьям. Чем объяснить внимание Никона-летописца к этому далекому княжеству, затерянному на окраине русского мира?

А. А. Шахматов обратил внимание на то, что Никон отправился в 1064 г. в Тмутаракань и основал там монастырь. Он хорошо знал тмутараканских князей Ростислава и Глеба и события, разыгравшиеся в Тмутаракани в 1064–1067 гг., был «живой свидетель этих событий, присутствовавший при всех них и, очевидно, принимавший деятельное участие в жизни Тмутаракани»¹⁴. Там же, в Тмутаракани, Никон мог расспросить о первом Тмутараканском князе — знаменитом Мстиславе Лютом, как запомнила его народная легенда. В 1067 г. Никон вернулся в Киев, а в 1074 г. он еще раз виделся с князем Глебом, который пришел в Печерский монастырь проститься с умиравшим игуменом Феодосием¹⁵.

Таким образом, Никон был хорошо осведомлен о событиях, о которых сказал в летописи, о князьях, которым воздал посмертные похвалы. Он продолжил летописный свод и внес в него известия начиная с 1039 г. и заканчивая 1070-ми гг.

Под 1078 г. в летописи содержится похвала киевскому князю Изяславу, скончавшемуся в том году в междоусобной брани: «Был же Изяслав муж взором красен, и телом велик, незлобив нравом, кривого ненавидел, любил правду, не было в нем лести, но прост был умом, не отвечал злом на зло»¹⁶. Судя по литературным выражениям и синтаксису, эта похвала также принадлежит «великому Никону».

Однако другой киевский князь — Святослав не удостоился похвалы от Никона, так как с этим князем у игумена были непростые отношения — Никон порицал Святослава за неправоное отнятие киевского стола у старшего брата Изяслава. В 1088 г. Никон скончался. Похвалу Всеволоду, скончавшемуся в 1093 г., он воздать, таким образом, не мог.

Наши наблюдения точно соответствуют выводам А. А. Шахматова о русском летописании XI в. и опираются на них. Только исходя из версии А. А. Шахматова о создании первого древнейшего летописного свода в Киеве в 1037–1039 гг., можно объяснить отсутствие в «Повести временных лет» похвалы Ярославу Владимировичу; только опираясь на выводы А. А. Шахматова о Никоне-летописце, можно объяснить осведомленность летописца о Тмутараканских князьях или же понять, почему посмертной похвалы удостоился Изяслав Ярославич и не удостоился его брат Святослав.

Такова фактическая история первых летописных похвал русским князьям. Мы замечаем, что похвала отражала симпатии и антипатии летописца, говорила о его весьма хорошей осведомленности.

Однако уже тогда — в XI в. — замечаем, как похвала становится литературным памятником, в котором застывают готовые выражения и характеристики. К анализу этой — литературной — стороны похвалы мы и переходим.

Князь Ярополк Изяславич, княживший во Владимире Волынском, в 1086 г. был предательски убит своим приближенным «проклятым Нерадцем». «Многие беды приял, — говорит о нем летопись, — без вины был изгнан от братьев своих, обидим и разграблен, наконец и смерть горькую приял: но вечной жизни и покою сподобился. Таков был блаженный князь Ярополк кроток, смирен, братолюбив и нищелюбец, десятину давал от всех скот своих святой Богородицы, и от жита нався лета, и молил Бога всегда, глаголя: “Господи Боже мой, Иисусе Христе! Прими молитву мою, и дай же мне смерть таковую, якоже дал братьям моим Борису и Глебу, от чужой руки, да омою грехи все своею кровью, избуду суетного света и сети вражьей”»¹⁷.

Трудно сказать, кому принадлежит авторство этой похвалы — Никону, еще жившему в 1086 г., или же его продолжателю. Судя по лексике и синтаксису, ее автором вполне мог быть Никон.

Вернемся к похвалам трем Тмутарканским князьям — Мстиславу, Ростиславу и Глебу. Прибавим к ним похвалу Ярополку Волынскому и сравним все четыре похвалы-характеристики.

Отметим, что все они кратки — только характеристика Ярополка более развернута, чем остальные, за счет развития мысли о его насильственной кончине. Все характеристики отмечают *личные* черты правителей, но первые две — Тмутарканских князей Мстислава и Ростислава — характеризуют их как храбрых воинов, а две другие — Глеба и Ярополка — особо отмечают их религиозные и церковные добродетели. Храбрость Мстислава и Ростислава противопоставлена кротости Глеба и смирению Ярополка. Щедрость Мстислава к дружине — щедрости Ярополка к церкви.

Таким образом, первые летописные посмертные похвалы русским князьям — это *краткие* их характеристики, которые можно разделить на две группы: характеристики храбрых воинов и характеристики кротких правителей. Их соединения или смешения до конца XI в. не наблюдаем.

В XII в. эти две характеристики соединились, и возникла развернутая похвала правителю. В 1172 г., воюя Новгородскую землю, скончался князь Святослав Ростиславич. «Сей же благоверный князь был украшен всякой добродетелью, храбр на рати, и любовь имел ко всем, особенно к милостыне прилежал, и монастыри одаривал, и монахов утешал, и церкви и попов одаривал, весь святительский чин достойною честью чтит; имел дружину в чести и имения не щадил, не собирал злата и серебра, но отдавал дружине»¹⁸. Если сравним эту характеристику с предыдущими, то заметим, каким образом в ней развиты элементы последних: выражение «любил дружину повелику, а имения не щадил» в характеристике Мстислава Тмутарканского развернуто в «имел дружину в чести и имения не щадил, не собирал злата и серебра, но отдавал его дружине» в характеристике Святослава; краткое «тщание имел к церквам» из похвалы Глеба Святославича было развернуто в длинное перечисление: «...монастыри одаривал, и монахов утешал, и церкви и попов одаривал, весь святительский чин достойною честью чтит» в похвале Святославу. Таким образом, оба элемента похвалы были развиты. Посмертная похвала-характеристика Святослава стала весьма распространенной в киевском летописании и превратилась в застывшую *формулу*.

Другая формула посмертной похвалы была выработана на севере. В 1125 г. «преставился благоверный и великий князь русский Владимир (Мономах. — *З. И.*), сын благоверного отца Всеволода, украшенный добрыми нравами, прославившийся в победах, от имени его трепетали все страны и по всем землям распространился слух о нем: понеже он всею душой возлюбил Бога. <...> Всех зломыслящих на него дал Бог под руки его, понеже не возносился, не величался, но на Бога возлагал всё, и Бог покорил под ноги его всех врагов; он же, заповедь Божью храня, добро творил врагам своим, отпускал их одаренными. Милостив же был паче меры... и не щадил

имения своего, раздавая требующим, и церкви создавал и украшал; чтит же излиха чернеческий чин и поповский, подавая им еже на потребу и принимая от них молитвы»¹⁹.

В 1212 г. «преставился великий князь Всеволод (Большое Гнездо. — *З. И.*), именованный в святом крещении Дмитрий, сын Юрия, благочестивого князя всея Руси, внук Владимира Мономаха, княжив в Суздальской земле лет 37. Много мужествовав и дерзость имел, на бранях показав, украшен всеми добрыми нравами, злых казня, а добромысленных милуя... Сего имени трепетали все страны, и по всей земле распространился слух о нем, и всех зломыслящих на него дал Бог под руки его: понеже не возносился, не величался о себе, но на Бога возлагал всю свою надежду, и Бог покорил под ноги его всех врагов его. Многие же церкви создал по волости своей, ибо создал церковь прекрасную на дворе своем святого мученика Дмитрия, и украсил ее дивными иконами и писанием, и принес доску гробную из Селуня святого мученика Дмитрия... имея присно страх Божий в сердце своем, подавая требующим милостыню, судя суд истинен и нелицемерен, не обвиняя лица сильных своих бояр, обидящих меньших и роботящих сирот и насилье творящих; любил же помногу черноризческий и поповский чины»²⁰.

Сравнивая эти две характеристики — Владимира Мономаха и Всеволода Большое Гнездо, — нетрудно заметить, что написаны они по одинаковому образцу. Этот образец и есть северно-русская формула посмертной похвалы правителю. Отметим ее отличия от южной. Первое отличие — частое упоминание *Бога*, близкие к библейским выражения и общий церковный тон, столь контрастирующий со светским тоном южно-киевской похвалы. Второе отличие — восхваляемый правитель предстает центральной, грозной фигурой: от одного его имени «трепетали все страны» и все враги его были покорны ему. Южная летопись никогда не поднималась до такого масштаба.

Посмотрим на посмертное слово Владимиру Мономаху из Ипатьевской летописи: «Преставился благоверный князь, христолюбивый и великий князь всея Руси Владимир Мономах, иже просветил всю Русскую землю, аки солнце лучи испуская; слух о нем прошел по всем странам, наипаче же был страшен поганым, братолюбец и нищелюбец, и добрый страдалец за Русскую землю»²¹. Сравним эту характеристику с характеристикой из Лаврентьевской летописи и увидим, что она:

- 1) намного короче;
- 2) в противоположность церковному тону похвалы из Лаврентьевской летописи в ней видны следы народно-языческого сознания: «аки солнце лучи испуская», и полностью отсутствует слово Бог;
- 3) похвала Лаврентьевской летописи имеет местный характер: слух о князе «прошел по всем странам», однако наипаче князь «был страшен поганым» — отметил летописец, локализуя значение деятельности правителя местными интересами;

4) она имеет светский характер и подчеркивает воинские добродетели правителя — «добрый страдалец за Русскую землю».

Светский характер похвалы южной летописи объясним ее общим светским характером и тоном повествования. На юге, в Киеве, затем в Галиции существовала давняя светская литературная традиция, отмеченная исследователями — Д. С. Лихачевым, М. Д. Приселковым, И. П. Ереминым и др.²² Подчеркивая преимущественно светский характер Галицко-Волынской летописи, М. Д. Приселков характеризовал ее рассказ как «любопытный по тому жизнерадостному, далекому от церкви и церковных книг, тону, который дает нам право думать, что перед нами не церковник, а дружинник князя»²³. Косвенное подтверждение этому обнаружил и А. В. Арциховский, изучая древнерусские миниатюры. Он указал на миниатюры, посвященные истории письменности и переводного дела в домонгольской Руси. На этих миниатюрах главными лицами являются лица светские, «вопреки предрассудку о всецело церковном характере древнерусской письменности»²⁴. П. И. Еремин, изучая Киевскую летопись как литературный памятник, отметил те слова и выражения в ней, которые характеризовали «речевую практику XII в., живой язык, обычный в княжеско-дружинной среде»²⁵. Наконец, М. Н. Тихомиров сказал о Галицко-Волынской летописи, входящей в состав Ипатьевской летописи, что она «брызжет светской жизнерадостностью»²⁶.

На севере, во Владимирском княжестве, сложилась другая обстановка. Там летописание с 1158 г. оказалось делом не дружинников князя, а церковников главной владимирской церкви — Успенского собора²⁷. «Это обстоятельство, — заметил Д. С. Лихачев, — наложило отпечаток церковности на все владимирское великокняжеское летописание»²⁸.

Приведем другой пример. В похвале скончавшемуся в 1264 г. Даниилу Романовичу, князю галицко-волынскому (с 1255 г. — королю) сказано: «Сей же король Данило князь добрый, храбрый и мудрый, создал города многие и церкви поставил и украсил их различными красотами; был братолюбив с братом своим Васильком; сей же Данило был второй после Соломона»²⁹.

В этой похвале также совсем незаметно ни торжественного церковного тона, ни всемирно-исторического масштаба: о правителе, который вел успешные войны с могущественными соседями, объединил Галицию с Волынью и действительно был известен и страшен окрестным странам, всего лишь сказано, что он был храбр. При этом отмечены действительные черты его правления — интенсивное строительство городов, мирные отношения с братом-соправителем Васильком.

Итак, посмертная похвала правителю — это готовый образец, окончательно принявший свою форму в XII в. Но в этот образец летописец почти всегда вносил индивидуальные черты и отличительные особенности правителя. В похвале Глебу Юрьевичу отметил, что «сей князь, к кому крест целовал, тому не преступал и до смерти»³⁰. Похвалу Ярославу Осмомыслу начал сразу же с указания

на его ум и мудрость: «Был же князь мудр и речен языком, и богобоязлив, и честен в землях, и славен полкы...»³¹ О Всеволоде Большое Гнездо заметил, что он «принес доску гробную из Селуны святого мученика Дмитрия». Иногда прибегал к сравнению: в 1197 г. скончался Всеволод Святославич, был князь «в роде Ольговичей всех удалее»³². О князе Рюрике Ростиславиче отметил, что он «имел любовь ненасытную о зданиях» — конечно, церковных³³. В похвале Юрию Всеволодовичу не забыл упомянуть о том, что сей князь «Новгород второй поставил на Волге в устье Оки» в 1221 г.³⁴ В 1288 г. скончался волынский князь Владимир Василькович. «Сей же благоверный князь Владимир возрастом был высок, плечами велик, лицом красен, волосы имея желты кудрявы, бороду стриг...»³⁵ Начало похвалы вполне типичное и традиционное, но затем встречаем сугубо личные черты — «волосы желты кудрявы, бороду стриг».

Исходя из этого, можно согласиться с мнением исследователя княжеских житий Н. И. Серебрянского: «Древний летописец тоже пользовался стереотипными фразами, но он умел в характеристике каждого князя отметить какую-нибудь оригинальную черту»³⁶.

Новгородские летописи не содержат похвал князьям, что объясняется положением князя в Новгороде, где он был только военным слугой Господина Великого Новгорода. Но в Новгородской первой летописи младшего извода в самом ее начале есть характеристика древних князей: «Вас молю, стадо христово, с любовью приклоните уши ваши разумно: каковы были древние князи и мужи их, и как боронили Русскую землю, и иные страны покоряли под себя; те князи не собирали много имения, ни творимых вир, ни продаж не воскладали на людей; но, если была правая вира, а ту, взяв, давали дружине на оружье»³⁷.

Видим, как летописец в прикрытой форме осуждал алчность княжеских слуг, которые «собирали много имения» с подвластного населения, тяготили его вирами и продажами. Последний пример о правой вине, которую древние князья отдавали дружине на оружие, новгородский летописец взял из «Повести временных лет». В ней в статье под 996 г. сказано, как епископы и старцы обратились к князю Владимиру Святославичу: «...рать многа; оже вира, то на оружьи и на коних буде». И сказал Владимир: «Тако буди»³⁸.

Готовая формула похвалы претерпела серьезные испытания в период татарского нашествия. Похвала князю Юрию Всеволодовичу, погибшему в битве с татарами на реке Сити в 1238 г., начинается традиционно: «Был Юрий сын благоверного отца Всеволода, украшен добрыми нравами...» Далее летописец должен был повторить готовые фразы «имени его трепетали все страны, по всем землям распространился слух о нем», но опустил их — по понятным причинам. Однако фразу о «всех злоумышляющих» на князя летописец оставил: «...всяк зломыслящих на него, безбожных татар отпускал одаренными»³⁹. Далее пояснено: «...прежде прислали послы свои злые те кровопийцы, рекуще: мирись с нами», а Юрий «того не хотяше» и отпустил послов одаренными. В похвалах Владимиру Мономаху и Всеволоду Большое Гнездо «всех злоумышляющих»

на них «дал Бог под руки» им и врагов их «покорил под ноги» их. Но сказать то же самое о Юрии Всеволодовиче, разбитом и убитом татарами, летописец не мог. Поэтому завершил свою похвалу по-другому — почти в житийном стиле: «...всякий, держащийся добродетели, не может без многих врагов быть»⁴⁰.

В период после татарского нашествия похвала претерпевает изменения — на первое место в ней выдвигается теперь не храбрость, не воинственность правителя и не любовь его к дружине, как было ранее, а его забота о христианах, их мирная защита от «безбожных» татар. Князь Глеб Василькович с 1238 г. сидел на столе в Белоозере, затем, в 1277–1278 гг., был князем в Ростове. В его посмертной похвале летописец говорит о нем: «Сей князь от юности своей, по нахождении поганых Татар и по пленении от них Русской земли, начал служить им и многих христиан, обижаемых от них, избавил, и печальных утешал, брашно свое и питие нещадно требующим подавал, и многую милостыню нищим, убогим, сиротам, вдовицам, маломощным подавал, поминая... яко вода гасит огонь, так и милостыня — грехи; того ради нещадно милостыню требующим подавал и церкви многие создал и украсил иконами и книгами... Услышавши о смерти его, все люди града Ростова стеклись на двор его, великие и малые плачем великим плакали по нем, убогие, яко кормителя, вдовицы и сироты, яко заступника и подателя, бояре же и слуги, яко господина потеряли»⁴¹. В этой похвале служба татарам является *положительной* чертой правителя, но его главной добродетелью выступает его забота о несчастных христианах, «обижаемых погаными татарами».

В поздних летописях собственно летописная похвала заменяется житийной. Она становится весьма пространной: в Степенной книге встречаем похвалу князю Владимиру Святославичу — «Похвалу вкратце», которая, однако, заняла почти полторы страницы⁴². Начинается она словами: «Сицево житие великого Владимира», а заканчивается: «Ему же слава и держава с Отцом и Сыном и Святым Духом, и ныне и присно и во веки веком. Аминь». В этой многословной похвале мы не найдем ни единой особенности *личности* князя Владимира, ни одной характерной черты его правления.

Другой пример житийной похвалы — похвала князю Александру Невскому, которая была внесена в летопись в XV в. из жития князя⁴³ и представляет собой классический образец житийно-нравоучительного восхваления⁴⁴. В этой похвале мы также не найдем ни одной характерной черты князя Александра.

Еще один пример житийной похвалы — похвала Дмитрию Донскому, скончавшемуся в 1389 г. Древний летописец лаконично означил смерть князя: «Преставился христоробивый князь великий Дмитрий Иванович всяя Руси»⁴⁵. Поздний же летописец не ограничился этим кратким известием и прибавил к нему похвалу князю — в духе житийного канона: был князь «церквям — попечение и украшение, служителям их — кормитель, нищим — питатель, странникам — приятель, больным — посетитель, алчущим — обильное брашно, жаждущим — нескудный напоитель, и всем сущим под властью его — тишина

и пристанище небурное»⁴⁶. Эта похвала не только не содержит индивидуальных качеств правителя и действительных черт его правления, она противоречит исторической действительности. «Тишина и пристанище небурное» царили в княжение Ивана Калиты и его сыновей, но не внука, в правление которого Московское княжество терзали литовцы, новгородские ушкуйники, а в 1382 г. страшно опустошил Тохтамыш.

Похвала стала «хвалословием» — многословным «похвалением» в стиле «плетения словес». Именно так определил и назвал похвалу в XV в. писатель Епифаний Премудрый, который сам был большим мастером создавать такие похвалы⁴⁷. Из такой похвалы исчезли реальные индивидуальные черты правителя. Наоборот, правитель стал щедро наделяться житийными добродетелями. «Как хвалу ти сплету?» — таким вопрошанием начинал Епифаний и далее составлял похвалу путем «нанизывания вереницы эпитетов»⁴⁸. «Вырабатывается жанр витиеватых и пышных похвал»⁴⁹. Образцом такой похвалы служит произведение инока Фомы — «Слово похвальное» о тверском князе Борисе Александровиче, составленное в середине XV в.⁵⁰ Фома «сплел» князю «злату пелену» и сам назвал свое творение «плетением»: «...аще ли и велми худо наше плетение...»⁵¹

В Псковской первой летописи есть две посмертные похвалы псковским князьям. Одна из них прославляет князя Довмонта (1266–1299): «Сии бо бе князь не точию храборством показан от Бога, но боголюбец показася, в мире приветлив, и церкви украшая, попы и нищая любя, и вся праздники честно проводя, попы и нищая и чернецы кормя, и милостыню дая сиротам и вдовицам; яко же рече Исая пророк: князь в стране уветлив, боголюбив, страннолюбец, кроток, смирен, по образу Божию есть; Бог бо мира не аггелом любит, но и человеком щедряет и показывает милость свою на мире. И прославися имя князей наших во всех странах, и бысть имя их грозно на ратех, и быша князи князем и воеводы воеводам, и бысть грозен глас их пред полки, аки труба звенящи; и бысть побеждая, а не победимы; яко же бе и Акрита, един побеждая полки в крепости силы своя. Тако же и велики князь Александр и сын его Дмитрий с своими боляры и с мужи новгородцы и с зятем своим Довмонтом и с его мужи псковичи побежая страны поганья Немец и Литву, Чудь и Корелу. То не единого ли ради Езекея сохранен бысть Иерусалим от пленения Сенахиримля, царя Асирийска. И паки же и великим князем Александром и сыном его Дмитрием и зятем его Довмонтом спасен бысть Новоград и Псков от нападения поганых Немец. И по том времени мало здрав пребыв благоверный князь Тимофей, и нача болети, и в той болезни преставися к Богу в жизнь вечную, месяца мая в 20 день, на память святого Фалелея; и проводиша его всем собором, игумены и чернецы, и все множество людии плакахуся его, и тако положиша и во святой Троицы, с похвалами и песньми духовными. Бысть же тогда жалость велика во граде Пскове, мужем же и женам и малым детем, по благоверном князи Тимофеи»⁵².

Другая — под 1409 г. — похвала князю Данилу Александровичу: «Преставился во Пскове князь Данило Александрович, месяца апреля в 4, на память святого отца Иосифа. Была тогда во Пскове туга и печаль по боголюбивом князи: показася в мире приветлив, церкви украшая, попы и нищия любя, вся праздники честно проводя, чернеца и нищия любя и кормя и милостыню дая сиротам и вдовицам; яко же рече Исая пророк: князь во стране уветлив и боголюбив, страннлюбец, кроток и смирен, по образу Божию; Бог бо мира не аггелом любит, но и человеком щедряет и показует милость свою на мире. И прославися имя князей наших. Также и сей князь Данило бяше бо в любовь Псковичем. И бысть тогда жалость мужем и женам и малым детем по боголюбивом князе Даниле; и проводиша его все поповство, и положиша и в соборней церкви в святей Троице с псалмы и песньми»⁵³.

Проанализируем эти две похвалы. Замечаем, что вторая похвала — князю Данилу — значительно сокращена в сравнении с первой, князю Довмонту. При этом сокращена именно та часть похвалы, в которой прославляются светские добродетели князя, а именно воинские. «И прославилось имя князей наших во всех странах, — читаем в этой части, — и было имя их грозно на ратях, и были князи князем и воеводы воеводам, и был грозен глас их пред полками, аки труба звенящая». Здесь перо летописца поднялось на уровень всемирно-исторического масштаба; используя библейские сюжеты и цитаты, он смог поставить своего князя в один ряд с великими воителями и полководцами древности. Однако узость его мировоззрения все-таки дала себя знать, когда он, переходя от библейских сюжетов к своей современности, подчеркнул местное значение деятельности князя Довмонта: «Довмонт с его мужи псковичи побежая страны поганья Немец и Литву, Чудь и Корелу». Для Пскова и псковитян важны были события местного масштаба — борьба с немцами, литвой, чудью и корелой. События общерусские не отразились в похвале, и ее всемирно-исторический масштаб, бодро и величаво заявленный в начале, в конце померк и заслонился местными внешнеполитическими интересами.

Почему же в похвале Данилу Александровичу полностью исключена часть, где прославляются воинские заслуги князя, столь важные для характеристики средневекового правителя?

Составителем похвалы князю было, вероятно, лицо духовное, для которого имели значение церковные добродетели князя. Их он и назвал, точнее, выписал из похвалы князю Довмонту, которую взял за образец. Далее, следуя этому же образцу, он наткнулся на то обстоятельство, что о Довмонте говорилось в торжественно-воинском духе и значение его деятельности поднималось очень высоко. То же самое сказать о князе Даниле Александровиче, не столь славном и великом, а всего лишь наместнике московского князя⁵⁴, летописец не мог. Поэтому решил сократить похвалу, выбросив из нее всю ту часть, в которой прославлялись воинские подвиги князя и которая не соответствовала масштабу восхваляемого правителя. Он оборвал похвалу так неудачно, что стал не совсем

ясен ее смысл: «И прославися имя князей наших. Также и сей князь Данило бяше бо в любовь Псковичем». Где прославилось имя псковских князей? И при чем здесь любовь псковичей? В этих двух предложениях панегирист скомкал похвалу — от внешней политики резко перешел к внутренней.

В похвале князю Довмонту заметны элементы исторической действительности — говорится о войнах псковичей с немцами, литовцами, чудью и корелой. Однако, чтобы отразить эти элементы в похвале, ее составителю не обязательно нужно было быть современником Довмонта — в XIV в., когда составлялась похвала, немцы и литовцы оставались исконными врагами Псковской республики, Господина Пскова, точно так же как корела и финская чудь. Имена же князей Александра и Дмитрия агиобиограф почерпнул из летописи, которой, несомненно, пользовался⁵⁵.

Если похвала князю Довмонту содержит элементы исторической действительности, то похвала князю Данилу Александровичу в этом отношении весьма и весьма скромна. Каких-либо исторических штрихов в ней нет совсем. Она составлена по образцу похвалы князю Довмонту, и в этот образец панегирист не смог внести ничего оригинального, ничего реального из образа князя, ни одной действительной живой черточки из его времени. «Нищелюбие» князя — это заимствованный элемент, который не находит подтверждения в другом, Тихановском списке, Псковской первой летописи.

Как предположил А. Н. Насонов, составителем этого списка было «лицо, близкое к купецкому старосте»⁵⁶. Это лицо совсем не было склонно восхвалять князя Данила Александровича. Под 1407 г. в Тихановском списке встречаем такое известие: «Тогда бяше во Пскове мор велик зело; и тогда рекоша псковичи князю Данилию Олександровичу: яко тебе ради бысть не prestaющи мор сии у нас, поеди от нас; он же поеха изо Пскова»⁵⁷. Этого известия, явно дискредитирующего князя, нет в других списках Псковской первой летописи. Выходец из торговой купеческой среды Псковской республики был более близок к народу, чем церковный книжник-летописец, писавший по образцу блеклую и мертвую в историческом отношении похвалу псковскому князю. Он выразил в своем известии действительное народное отношение к князю во время мора: псковичи прогоняют князя, обвинив его в том, что из-за него в Пскове не прекращается мор. Это не их прихоть. В таком их отношении выразились древние представления о правителе, во власти которого, согласно их убеждению, были и силы природы. Если он не повелевает этими силами, значит, он негодный правитель. Из-за него страдает целый народ. Таких правителей-вождей в древности предавали смерти⁵⁸; в средние века их просто изгоняли.

В Тихановском списке, как видим, отражено историческое событие с точки зрения выходца из третьего сословия, из народа. Церковник просто не мог рассказать об этом событии, в котором для него явно были видны следы языческой древности. Исходя из этого, из исторической достоверности указанного известия, взглянем на похвалу князю Данилу Александровичу

из того же Тихановского списка. Этой похвалы нет. Известие о смерти князя выглядит так: «Того же лета преставися князь Данилей Александрович во граде Пскове, в великой пост в великий четверг месяца апреля в 4 день, на память святого отца нашего Иосифа, творца канонем; и положиша его во святей Троицы»⁵⁹.

Итак, историко-критический анализ похвалы князю Данилу Александровичу приводит к следующим выводам: 1) похвала эта носит подражательный характер; 2) в ней нет никаких индивидуальных черт восхваляемого князя; 3) в ней совсем нет исторических признаков действительности из эпохи князя Данила; 4) она не находит подтверждения в Тихановском списке Псковской первой летописи, отразившем историческую реальность времени князя Данила. Исходя из всего этого, похвалу князю Данилу нельзя признать исторически достоверной.

В XVI в. похвала вбирает в себя распространенные тогда легенды, а именно легенды о венце Мономаха и об Августе, кесаре римском. О Владимире Мономахе сказано в Степенной книге: «Его же ради мужества и Греческого царя Константина Мономаха диадему и венец и крест Животворящего Древа прием... и крабицу сердоличную, из нея же веселяшеса иногда Август, Кесарь Римский, и чепь златую Аравийскую злата и иные многие царские почести в дарах прият мужества ради своего и благочестия». Далее летописец пояснил, зачем Владимир Мономах все это принял: «...дабы препроводить славу Греческого царства на Российского царя»⁶⁰.

В XIV–XV вв. посмертная летописная похвала правителю стала редкостью. Из московских князей ее не удостоился никто, из тверских — только двое, Михаил Ярославич⁶¹ и Михаил Александрович⁶². В XVI в. летописная похвала исчезла, последняя была воздана Василию III в 1533 г.: преставился «самодержавный великий государь Василий Иванович всея Руси, милостивый, нищелюбивый»⁶³. Это все, что осталось от некогда витиеватой и многословной летописной посмертной похвалы правителю.

Подведем итог. Посмертная летописная похвала правителю выросла из краткой его посмертной характеристики, в XII в. приобрела свой развернутый и законченный вид. Похвала северной суздальской летописи отличается от похвалы киевской и галицко-волынской летописей своим торжественным церковно-библейским тоном, а также всемирно-историческим масштабом. Похвала отражала симпатии и антипатии летописца, говорила о его осведомленности. В силу исторической обстановки похвала изменялась, на первое место в ней выдвигались отвечающие времени добродетели правителя. Древняя летописная похвала почти всегда содержит индивидуальные качества и отличительные особенности правителя, что повышает ее ценность как исторического источника. В поздних же летописях летописная похвала заменяется житийной, в которой мы не видим индивидуальных черт правителя и особенностей его правления.

- ¹ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 90.
- ² *Шахматов А. А.* СПб., 1908. С. 42, 389.
- ³ ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897. С. 128.
- ⁴ *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 464, 485.
- ⁵ Там же. С. 484.
- ⁶ ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 64.
- ⁷ Там же. С. 148–149.
- ⁸ *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 423.
- ⁹ Летопись по Ипатскому списку. С. 114.
- ¹⁰ Там же. С. 105.
- ¹¹ Там же. С. 117.
- ¹² Там же. С. 140.
- ¹³ *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 439.
- ¹⁴ Там же. С. 423.
- ¹⁵ Летопись по Ипатскому списку. С. 131–132.
- ¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 196.
- ¹⁷ Там же. С. 145.
- ¹⁸ Летопись по Ипатскому списку. С. 376.
- ¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 279–280.
- ²⁰ Там же. С. 414–415.
- ²¹ Летопись по Ипатскому списку. С. 208.
- ²² Там же. С. V–VI; *Лихачев Д. С.* 1) Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. V. М.; Л., 1947. С. 56; 2) Великий путь. Становление русской литературы XI–XVII веков. М., 1987. С. 86; 3) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 253–254.
- ²³ *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 96.
- ²⁴ *Арицховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. Томск–М., 2004. С. 147.
- ²⁵ *Еремин И. П.* Киевская летопись как литературный памятник // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. VII. М.; Л., 1949. С. 80.
- ²⁶ *Тихомиров М. Н.* Городская письменность в древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. IX. М., 1953. С. 60.
- ²⁷ *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. С. 125–126, 131; *Лихачев Д. С.* Великий путь. Становление русской литературы XI–XVII веков. С. 52.
- ²⁸ *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 277.
- ²⁹ Летопись по Ипатскому списку. С. 570.
- ³⁰ Там же. С. 384.
- ³¹ Там же. С. 441–442.
- ³² Там же. С. 467.
- ³³ Там же. С. 476.
- ³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 445.
- ³⁵ Летопись по Ипатскому списку. С. 605.
- ³⁶ *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. Т. I. М., 1915. С. 62.
- ³⁷ ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 103–104.
- ³⁸ ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 124.
- ³⁹ Там же. С. 445.
- ⁴⁰ Там же. С. 445.
- ⁴¹ ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 76.
- ⁴² ПСРЛ. Т. 21. Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. СПб., 1908. С. 131–133.
- ⁴³ *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 164, 171.
- ⁴⁴ ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 305.
- ⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 509.

- ⁴⁶ ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. С. 218.
- ⁴⁷ *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 60.
- ⁴⁸ *Зубов В. П.* Епифаний Премудрый и Пахомий Серб // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. IX. М.; Л., 1953. С. 149.
- ⁴⁹ *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 331.
- ⁵⁰ *Лихачев Н. П.* Инока Фомы Слово похвальное о великом благоверном князе Борисе Александровиче. СПб., 1908. С. 1–38.
- ⁵¹ Там же. С. 31.
- ⁵² Псковские летописи. Вып. 1 / Отв. ред. Б. Д. Греков. М.; Л., 1941. С. 4–5; ПСРЛ. Т. 4. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848. С. 183.
- ⁵³ ПСРЛ. Т. 4. Новгородские и псковские летописи. С. 200; Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. С. 117–118.
- ⁵⁴ Псковские летописи. Вып. 1. С. 26.
- ⁵⁵ *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. Т. I. С. 150.
- ⁵⁶ Псковские летописи. Вып. 1. С. XVII.
- ⁵⁷ Там же. С. 29–30.
- ⁵⁸ *Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь. М., 1983. С. 91.
- ⁵⁹ Псковские летописи. Вып. 1. С. 32–33.
- ⁶⁰ ПСРЛ. Т. 21. Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. С. 188.
- ⁶¹ ПСРЛ. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. С. 40–41.
- ⁶² ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 144.
- ⁶³ ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александр-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., 2009. С. 16.

REFERENCES

- Letopis' po Ipat'skomu spisku [Chronicle of the Ipat list. In Russ.]. Saint Petersburg, 1871.
- PSRL. T. 1. Lavrent'evskaya letopis' [PSRL. Vol. 1. Lavrentievskaya Letopis. In Russ.]. Saint Petersburg, 1897.
- PSRL. T. 3. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [PSRL. Vol. 3. Novgorod first chronicle of the senior and junior versions. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1950.
- PSRL. T. 4. Novgorodskie i pskovskie letopisi [PSRL. Vol. 4. Novgorod and Pskov Chronicles. In Russ.]. Saint Petersburg, 1848.
- PSRL. T. 15. Rogozhskij letopisec. Tverskoj sbornik [PSRL. Vol. 15. Rogozhsky chronicler. Tver collection. In Russ.]. Moscow, 2000.
- PSRL. T. 18. Simeonovskaya letopis' [PSRL. Vol. 18. Simeon's chronicle. In Russ.]. Moscow, 2007.
- PSRL. T. 21. Kniga Stepennaya carskogo rodosloviya. Ch. 1. [PSRL. Vol. 21. The Book of Degrees of the Royal Genealogy. In Russ.]. Saint Petersburg, 1908.
- PSRL. T. 25. Moskovskij letopisnyj svod konca XV veka [PSRL. Vol. 25. Moscow chronicle of the end of the 15th century. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1949.
- PSRL. T. 29. Letopisec nachala carstva carya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha [PSRL. Vol. 29. Chronicler of the beginning of the reign of Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich. In Russ.]. Moscow, 2009.
- SEREBRYANSKIY N. I. Drevne-russkie knyazheskie zhitiya. T. 1 [Ancient Russian princely lives. Vol. 1. In Russ.]. Moscow, 1915.
- SHAKHMATOV A. A. Obozrenie russkikh letopisnykh svodov XIV–XVI vv. [Review of Russian chronicle vaults of the 14th–16th centuries. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1938.
- SHAKHMATOV A. A. Razyskaniya o drevnejshih russkikh letopisnykh svodah [Search for the oldest Russian chronicle vaults. In Russ.]. Saint Petersburg, 1908.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

З. А. Исмаилова. Посмертная летописная похвала правителю как исторический источник // Петербургский исторический журнал. 2022. № 2. С. 18–33

Аннотация: Статья посвящена изучению такого отдельного историко-литературного жанра, как летописная похвала правителю. На протяжении XI–XVI вв. летописная похвала была весьма распространенным приемом средневековых книжников. Сравнивая похвалы разных русских летописей и разных исторических периодов, автор доказывает, что летописная похвала правителю выросла из краткой его посмертной характеристики, отражала хорошую осведомленность летописца, его симпатии и антипатии, в XII в. приобрела готовый вид — литературную форму. Ранние похвалы (XI–XIII вв.) верно отражали историческую действительность, содержали индивидуальные черты правителя, менялись в зависимости от исторических условий, что повышает их ценность как исторического источника. Выяснялось также наличие двух основных форм похвалы — южной и северной; первая форма была распространена в Киевской и Галицко-Волынской Руси, вторая — в Суздальской. Различие между ними в том, что южная похвала имела светский характер, а северная — церковный; южная похвала ограничивалась местными интересами, а северная — имела всемирно-исторический масштаб. В целом похвала может быть рассмотрена как отдельный летописный средневековый жанр, отличающийся особыми сюжетными и стилистическими признаками.

Ключевые слова: похвала, правитель, князь, летописец, посмертная характеристика, литературная форма, А. А. Шахматов, Никон-летописец, киевская летопись, галицко-волынская летопись, татарское нашествие.

FOR CITATION

Z. A. Ismailova. Posthumous chronicle praise of the ruler as a historical source // Petersburg historical journal, no. 2, 2022, pp. 18–33

Abstract: This article is devoted to the study of such a separate historical and literary genre as the chronicle praise of the ruler. During the 11th–16th centuries, chronicle praise was a very common technique of medieval scribes. Comparing the praises of different Russian Chronicles and different historical periods, the author proves that the chronicle praise of the ruler grew out of a brief posthumous description of him, reflected the chronicler's good knowledge, his likes and dislikes, and in the 12th century acquired a ready-made form — a literary form. Early praises (11th–13th centuries) correctly reflected historical reality, contained individual traits of the ruler, changed depending on historical conditions, which increases their value as a historical source. It was also found out that there were two main forms of praise — southern and northern. The difference between them is that southern praise was secular, while northern praise was ecclesiastical; southern praise was limited to local interests, and northern praise had a world-historical scale. In general, praise can be considered as a separate chronicle of the medieval genre, characterized by special plot and stylistic features.

Key words: praise, ruler, Prince, chronicler, posthumous characteristic, literary form, A. A. Shakhmatov, Nikon-chronicler, Kiev chronicle, Galician-Volyn chronicle, Tatar invasion.

Автор: Исмаилова, Зулейха Адил-кызы — аспирант кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского.

Author: Ismailova, Zuleyha Adil-kyzy — post-graduate student of Bryansk State University named after academician Petrovsky.

E-mail: pokrovskaya-lada@bk.ru